

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ РОССИИ НАЧАЛА XVIII ВЕКА В ЗАПИСКАХ ИНОСТРАНЦЕВ

Несколько поколений исследователей Петровской эпохи обращаются к сочинениям иностранцев о России. Традиционный интерес к ним после известной работы В.О. Ключевского¹ объясняется уникальным сочетанием колоритных впечатлений автора и богатого фактического материала. Из иностранных описаний начала XVIII в. в историографии анализировались преимущественно дипломатические и военные сведения, менее изучался комплекс информации о внутреннем состоянии России и, в частности, о государственном управлении.

Оценки реформ, взгляды иностранцев не были идентичны представлениям русских авторов. В сочинениях Б.И. Куракина, И.А. Желябужского, А.А. Матвеева мы не можем полагаться на исключительную беспристрастность и откровенность в характеристике особенностей или пороков административной системы. Отечественные источники, которые причисляются к разряду записок и описаний, уступают иностранным в объеме и разнообразии материала. Иностранные источники первого десятилетия XVIII в. далеко не исчерпываются мемуарами и составляют сложный комплекс документов дипломатического, политического и литературного содержания. По авторству они подразделяются на записки путешественников, сочинения иностранцев на русской службе и документы дипломатов. Последние включают источники официального (доклады, отчеты, дипломатическую переписку, инструкции) и неофициального (автобиографии, мемуары, дневники) происхождения.

Рассмотрим опубликованные записки дипломатов в выбранном тематическом ракурсе. Королевскими инструкциями датским чрезвычайным посланникам Г. Грунду (1705—1708), Ю. Юлю (1709—1712), английскому посланнику Ч. Уитворту (1705—1710, 1712) предписывалось составление полного и совершенного отчета обо всем происходившем при царском дворе². Датским дипломатам конкретизировались задачи их миссии. Пауль Гейнс (1698—1705) отправлялся для выяснения возможности создания датско-русского оборонительного альянса. После окончательного заключения союзного договора в 1700 г. датчан еще в большей степени интересовали сведения о военной и дипломатической стратегии царского двора. Посланник Георг Грунд получил указание добиться субсидии от России на вооружение датского флота. Другой датский дипломат — Юст Юль по официальному предписанию акцентировал внимание на анализе “настоящего положения и устройства управления и финансов, осо-

---

Захаров Андрей Викторович — аспирант Челябинского государственного университета.

бенно же армии и морских сил”. Для достижения этой цели ему поручалось вести дневник, который стоит отметить как самое объемное и содержательное произведение иностранца о России начала XVIII в. Сочинение Ю. Юля и отчеты других иностранных дипломатов не предназначались для печати, иначе автору “пришлось выключить бы из него те места, в которых царь и его подданные рисуются в малопривлекательных красках”³. Каждодневные наброски и полный дневник Юля, к сожалению, не сохранились, до нас дошли только черновые записи, приведенные в систему автором в 1713 г. Английский двор наиболее тревожили вопросы защиты купцов, меркантильных мероприятий, беспокоил рост найма английских матросов на русскую службу. Лорду Чарльзу Уитворту ставилась проблема “возможно искусно и с возможно меньшей оглаской добывать сведения о намерениях русского двора” и “вообще все, что не лишено значения в настоящих обстоятельствах”. Для удовлетворения интереса австрийского императорского министерства о состоянии московского управления в июне 1710 г. специальный доклад подготовил действительный поверенный венского двора Отто Антон Плейер⁴. Как правило, окончательная редакция отчетов (О. Плейера — июнь 1710, Вена; Г. Грунда — октябрь 1710, Копенгаген; Ч. Уитворта — осень 1710, Лондон) готовилась дипломатами на родине, где ответственные ведомства требовали от них обобщения самых репрезентативных сведений о России.

Массив оперативных и подробных известий сконцентрирован в дипломатической переписке иностранных посланников. Даже сравнительно небольшая доля опубликованных донесений (П. Гейнса, Ч. Уитворта, О. Плейера, Г.И. Кейзерлинга)⁵ подтверждает, что дипломатическая корреспонденция была основным каналом осведомления иностранных дворов и служила источником общих и частных наставлений посланцам. Так, например, одна из депеш П. Гейнса 1698 г. о “партиях” и интригах при царском дворе, обстановке “взаимного недоверия — крайнего, как среди бояр, так и среди других классов” созвучна требованию к Ю. Юлю в 1709 г. — выяснить возможность возникновения беспорядков “со стороны князей, бояр и других важных лиц, или со стороны простого народа”⁶.

Интенсивная переписка дипломатов позволяет оценить стиль и направленность их сообщений относительно государственного управления. В донесениях они часто рассуждали о нравах царского двора, анализировали роль царя в военных и финансовых реформах. Различные аспекты внутреннего управления России рассматривались через призму интересов иностранных дворов. П. Гейнс освещал преимущественно состояние военных сил, отношения между царем и его “министрами”. Англичанин Ч. Уитворт тщательно присматривался к переменам в обычаях московского государства, изучал репутацию “министров”, их рассуждения и методы работы. Сведения в его депешах наиболее содержательны и точны. Можно восхищаться совершенными приемами и системой английских дипломатов, имевших репутацию подданных наиболее осведомленного двора Европы. Видимо, заслуженно Ч. Уитворту, сделавшему ряд тонких замечаний и оправдавшихся прогнозов, Лондон доверял деликатные поручения и считал лучшим специалистом по России⁷. Исследователь Г.В. Форстен считал наиболее беспристрастным и объективным из иностранцев датского посланника П. Гейнса, посвящавшего все свободное от переговоров время изучению внутренней жизни Московии⁸.

Объем известий в иностранных докладах несоизмеримо меньше той совокупности информации, которая содержится в корреспонденции, на что авторы ссылаются “дабы не утруждать перечислением высокую особу своего монарха”. Из докладов и переписки можно выделить следующие рубрики, по которым можно распределить информацию, относящуюся к государственному управлению: административное деление и аппарат, законы, личность царя, царский двор и сановники, чины и звания, финансы, военные силы, гражданские и военные планы царя, управление церковью.

Говоря об источниках сведений дипломатов, исследователи выделяют личные наблюдения, общение с царем, “министрами” и обращения к запискам своих коллег и предшественников⁹. Заметим, что каждый иностранец использовал различные каналы и методы получения информации, имел собственные представления о России и, наконец, определенное отношение к себе царского двора. Тот же Г. Грунд, не будучи обремененным переговорами с царем, сделал много наблюдений, но, не владея соответствующими инструкциями о вступлении Дании в войну, испытывал к себе холодное отношение русского двора¹⁰. Другой датчанин П. Гейнс по приезду в Россию долгое время проявлял сдержанность в общении с царскими сановниками, неоднократные конфиденциальные встречи с Петром I вызывали, по мнению иностранца, зависть многих вельмож. Деловые отношения Гейнс поддерживал с Л.К. Нарышкиным, Ф.А. Головиным, оптимистично высказывался о “постоянно улучшающихся отношениях с царем”, которые могли расширить поле зрения любого дипломата¹¹. Если царь навещал иностранца, то представлялся “отличный случай болтать с ним о чем угодно”¹². В дневнике Юль неоднократно упоминал о своих совещаниях с русскими “министрами”, но наиболее доверительные беседы состоялись с царем. Особым источником сведений для иностранных посланников являлось общение с коллегами; среди них были дипломаты, которые не оставили сочинений о России, и осведомленные иностранцы, находившиеся на русской службе без официального статуса. Например, Гейнс упоминал о беседах с польским посланником Лефортом, бранденбургским послом Принтцем, имевшим самое благоприятное расположение Петра I. Все дипломаты, оставившие доклады, владели двумя-тремя европейскими языками, кроме русского. Это важное обстоятельство послужило причиной не всегда точного употребления иностранцами и позже исследователями при переводе их сочинений — транслитерации, кальки и имен собственных. Многие иностранцы знакомились и сравнивали государственное управление России по запискам путешественников XVI—XVII вв.: А. Олеария (Ю. Юль, Г. Грунд, К. де Бруин), Дж. Флетчера, А. Марвайля, К.И. Крюйса (Ч. Уитворт), И. Корба (Г. Грунд). Указания на источник известий чаще встречаются в корреспонденции дипломатов, хотя, отправляя ее, они опасались возможной перлюстрации со стороны царских властей¹³. В докладах и описаниях ссылки на источник встречаются в исключительных случаях.

Сведения иностранных дипломатов о государственном управлении занимают важное место в официальных докладах и отчетах. В текущей корреспонденции, отмечавшей события в контексте задач дипломата, они также не упускались из вида. Разнообразный материал и характеристики, сообщаемые в записках, дополняют друг друга и предоставляют историкам возможность созда-

ния интегральной оценки реформ государственного аппарата по представлениям современников. Оценка будет корректной, если учесть, что предпосылки, которые способствовали тесному общению иностранцев, могли быть условием формирования единых подходов или стереотипов в освещении государственного устройства, деятельности “министров” и влиятельных особ.

Мемуары иностранцев на русской службе, сочинения путешественников, имеющие ряд источниковедческих особенностей, необходимо выделить в отдельную группу источников. За рассматриваемый период к ней относятся известные записки Дж. Перри и К. де Бруина. Оба сочинителя не имели отношения к дипломатической службе и адресовали свои труды широкой публике. Английский моряк, инженер и гидрограф Джон Перри по приглашению Петра I в 1698—1712 гг. руководил строительством каналов, доков и мог наблюдать те стороны российской действительности, которые не коснулись представителей иностранных дворов. Осенью 1714 г. он составил “краткое” и “более подробное” повествования о России “в отношении многих великих и замечательных дел” царя по устройству флота, армии, администрации, а “преимущественно же тех работ, которые были производимы”¹⁴. Голландский живописец и путешественник Корнилий де Бруин за двухлетнее знакомство с Россией благодаря своим профессиональным качествам подметил множество интересных деталей, ускользнувших от других. Он путешествовал с целью “осмотреть уцелевшие древности, подвергнуть их обыску и сообщить о них свои замечания... обратить внимание на одежду, нравы, богослужение, политику, управление” и придерживался правила “строго держаться истины и описывать только то, что сам видел и узнал на месте”¹⁵.

Очевидно, что основным каналом сведений мемуаристов были личные наблюдения, но условия формирования впечатлений и восприятия были различными. Эмоциональные переживания Дж. Перри, обиженного на произвол и пренебрежение царских сановников, отразились на составлении их портретов и укрепили предвзятое отношение сочинителя к “боярам” и “министрам”. Настораживает распространение автором негативной оценки на все окружение Петра I, упрощение интересов и нравов царского двора. Вполне понятен пессимизм и разочарование Россией английского капитана, сказавшего в книге “достаточно, чтобы читатель мог видеть, какое это счастье — жить в свободной стране (Англии. — А.З.)”¹⁶.

К. де Бруин более объективен и нейтрален в своих выводах. Петр I, будучи поклонником всего голландского и наверняка увидевший в путешественнике интересного и знающего собеседника, оказал ему исключительную милость, разрешив исследовать любые достопримечательности. Хорошие связи голландца с царской фамилией и дипломатами из Немецкой слободы способствовали созданию полноценного обзора государственного быта и управления. Наличие точных дат и документальной информации указывает на использование автором дневниковых записей и стремление опираться на первоисточники. Известия Бруина о политике и управлении напоминают отчеты дипломатов. Но, в целом, мемуары Бруина и Перри следует отнести к произведениям, где анализ уступает место описанию с произвольным выбором обозреваемых сторон.

Объективность авторов иностранных известий может быть оценена только в контексте их деятельности, профессионализма, мотива и предназначения их сочи-

нений. В силу своих обязанностей иностранцы использовали самый широкий круг источников. Первоисточники оказались доступны только иноземцам, близким к компетентным чиновникам или окружению Петра I. Сведения о государственном управлении черпались из общения с представителями аппарата разного уровня — от дьяков и воевод до судей приказов, коллегами и преимущественно из личной практики наблюдений. Выяснив надежность источников известий, мы можем полагаться на сведения иностранцев только как на информацию косвенного характера, поскольку она была зафиксирована под влиянием внешних факторов (целей авторов и социальной среды), по своей природе не способствующих адекватному отражению информации об объектах описания.

В ранних иностранных источниках понятие управления отражало лишь направляющую основу функционирования государственных установлений — уполномоченных лиц и властных структур. На рубеже XVII—XVIII вв. управление понималось иностранцами более объемно и содержательно — как форма деятельности государства, выраженная в организации порядка, системе мероприятий и учреждений, обеспечивающих интересы его суверена (монарха). К этому времени в европейских странах сложился многофункциональный тип государственного управления. В России иностранные авторы выделяли гражданское, военное и церковное управление. В интерпретации Г. Грунда, доклада которого вторил Ч. Уитворт, функции управления и правосудия совмещались государственным аппаратом. Законодательство (законы) иностранцы упоминали в связи с судебными полномочиями царской администрации. Очевидно, что локковская формула разделения властей на законодательную, исполнительную и “федеративную” не могла звучать в сочинениях о петровской России. Даже спустя столетие распорядительно-исполнительная деятельность государства окончательно не дифференцировалась от законодательства и правосудия.

Разновидности государственного управления выделялись иностранцами как производные от всей сферы действия монарха. Правление в России “является абсолютным до последней степени, — утверждал английский дипломат Ч. Уитворт, — не ограничено никаким законом или обычаем и зависит лишь от прихотей монарха, которые определяют жизнь и судьбу всех подданных”. Называя, подобно Уитворту, государя неограниченным, К. де Бруин более всего удивлялся его власти, которая “простирается даже на дела духовные... область, касаться которой другие венчаные особы воздерживаются, из опасения возбудить против себя гнев духовенства”¹⁷. Роль Петра I в управлении превозносилась практически всеми иностранцами. Бруин и Перри считали, что причина его активного участия в управлении — недоверие вельможам и собственным “министрам”, а П. Гейнс и Ч. Уитворт даже сочувствовали царю, имевшему “плохих слуг”. У Ю. Юля сложилось впечатление, что царь заведует всем сам, “как на суше, так и на море”, и “лично одарен столь совершенным и высоким умом и познаниями, что один может управлять всем”¹⁸. До начала энергичных реформ Петра I датский посланник П. Гейнс поставил низкую оценку состояния администрации. Причину “дурной организации внутреннего управления и войска” он увидел в “косности русских, отвращении их к новизне, упрямстве”. Капитан Дж. Перри уверял, что в случае преждевременной смерти царя “большая часть всего того, чем он старался преобразовать страну свою, переправится в старую прежнюю форму”¹⁹.

Начало государственных реформ иностранцы связывали с возвращением Петра из первого заграничного путешествия (Бруин), с подавлением восстания стрельцов 1698 г. (Гейнс) и окончанием первой поездки в Воронеж (Перри). Г. Грунд уточнял, что основные звенья административной реформы не могли быть проведены до Полтавской баталии из-за вторгшегося неприятеля²⁰. Вернувшись из Европы, Петр привез новые идеи и образцы элементов устройства будущего “регулярного” государства. Городской реформой 1699 г. создавался институт бургомистров, — “в подражание шведскому и немецкому порядку управления”²¹.

По поводу модернизации управления в начале XVIII в. можно привести слова старшего коллеги Юля П. Гейнса: “Россия в переходном состоянии, она многое уже позаимствовала от Европы, но и сохранила немало старых привычек, смешение небывалое — ни Европа, ни Азия”²². “Старые привычки” оказались характерной и живучей чертой всей системы российского управления и правосудия. “При теперешнем положении, иметь в России дело с судом — большая неприятность, поскольку истец, если он располагает деньгами, будет самым удачливым и на основании малых улик... может засадить ответчика в тюрьму... Вообще же русские законы сами по себе достаточно ясны, справедливы и, следовательно, одинаковы с законами иных народов в большинстве статей, но в соблюдении их весьма отличны”²³. Меткие характеристики Г. Грунда оказались актуальны не только для XVIII в. Иностранцы были хорошо знакомы с произволом и продажностью судей и чиновников в России, но с одной стороны, они надеялись на торжество беспристрастного вершения дел, а с другой — всегда использовали возможность вызвать расположение царских “министров” богатыми подарками и подношениями, что, впрочем, считалось нормой для дипломатических отношений того времени.

Не выдерживает сравнения судебный процесс в России и, например, в Англии. В России, по Уитворту, каждый приказ, состоявший из думных-судей и дьяков-секретарей, имел неограниченное право казнить или миловать. “В стране этой, — сетовал Дж. Перри, — нет гнисяжных заседателей (juries), ни стряпчих (counsel), которым предоставлено было бы право защищать, как то существует в Англии”²⁴. Полная зависимость от воли судьи в России объясняет обращение иностранцев к содержанию русских законов лишь в редких случаях, обусловленных необычным прецедентом либо созвучием деталей с раскрываемыми явлениями.

Акцент в сочинениях сделан на характеристике царской администрации и нравов двора. Иностранные дипломаты отождествляли двор прежних московских государей со старыми чинами, пышными церемониями, “смешными и досадными” обрядами. Уитворт писал о фактическом упразднении церемоний старого двора из соображений экономии средств во время войны, но чаще иностранцами указывалась более веская причина — взгляды и “характер царя, которому противны подобные условности”. Непременным для иностранцев оставалось кардинальное отличие царского двора, где нарушения этикета и отсутствие приемных дней для дипломатов не могли сравниться с поражавшими крайностями. Хрестоматийно известны описания бедствий иностранцев, попадавших на бурные празднества и пиры. Последствия безудержного спивания иногда заканчи-

вались весьма трагично — смерть в 1711 г. курляндского герцога Фридриха Вильгельма, не выдержавшего горячительной “баталии” с царем, далеко не исключение. Таковы были нравы той эпохи, немногим изменившиеся и через 20, и даже через 200 лет, — вспомним хотя бы описания В.П. Обнинским великокняжеских потех начала XX в.²⁴ Иностранцы сумели увидеть рациональное начало в неофициальных приемах, где решались многие вопросы, неразрешимые на протокольных аудиенциях.

В докладах и депешах иностранцы применяли различные критерии в характеристике представителей высшей администрации. Дж. Перри представил “министров” как нечестных, неспособных и нерадетельных слуг царя, они “были враждебны мне, — признавался англичанин, — и моим предприятиям”. Задержки жалования, бытовые неудобства и даже введение новой легковесной монеты в стране он относил на счет “злонамеренных козней бояр”. Естественно, что менее обиженные вельможами Плейер и Юль смогли разглядеть другие обстоятельства, за которыми скрывались несправедливые поступки²⁶. Дипломаты отмечали плохую осведомленность русских “министров” прежде всего в международных отношениях и называли различные причины их низкой компетентности. Осторожность Петра в дипломатических вопросах, требовавших конфиденциальности, опыта и знания современной политической конъюнктуры, могла быть воспринята иностранцами как недоверие царя своим “министрам”. В отношениях дипломатов администрация Петра не выглядела монолитом. П. Гейнс отметил различные интересы “партий” Л.К. Нарышкина и кн. Б.А. Голицына в дипломатическом ведомстве во время русско-датских переговоров²⁷. Перри различал в окружении царя господ и любимцев, вероятно, имея в виду источники пополнения властвующей элиты, которые конкретизировал К. де Бруин, — фаворитизм и военную службу²⁸. Особенности петровской кадровой политики выразил Ю. Юль, рассуждавший о начальствовании над флотом Ф.М. Апраксина, “который в сущности лишь показной адмирал и в морском деле решительно ничего не понимает. Определен он на эту должность по той только причине, что вообще над армией, над флотом, в пограничные крепости и т.п. царь никогда не назначает начальником иностранца, а всегда природного русского, хотя бы он решительно ничего в деле не смыслил”²⁹. По этим же причинам талантливый П.П. Шафиров был обойден при выборе кандидатуры на пост главы Посольского приказа после смерти Ф.А. Головина.

Дипломаты отмечали, что “русские сановники неравны в соблюдении чести и достоинства”, когда каждый нижестоящий чин унижался перед вышестоящим чином, от которого зависела служебная карьера. Высокопоставленные вельможи боялись унижить себя при встрече с дипломатами, прибегая к всевозможным ухищрениям, чтобы уклониться от первого визита иностранному гостю. Нарушение этикета воспринималось иностранцами как следствие неправильного понимания чести, которую “русские пока научились только принимать ... а не оказывать ее другим”³⁰. Некоторые качества царских “министров” препятствовали работе иностранных дипломатов: “Здесь министры в высшей степени настойчивы, их нелегко обойти каким-либо сообщением общего характера”³¹. Петровские дипломаты использовали всевозможные способы получения информации о задачах иностранных миссий. Часто категоричные требования “министрами” верительной грамоты (кредитива) оборачивались длительной задержкой официального приема,

поскольку Посольский приказ обоснованно считал его излишним после знакомства с представленными документами. Традиционная перестраховка действий царских чиновников, боявшихся письменно закреплять свои обещания, давала удобную возможность изменять или игнорировать обязательства, что крайне негативно воспринималось иностранцами³¹.

Многие черты московского двора, отступавшие от сложившихся европейских норм, отрицательно оценивались иностранными дипломатами, следовательно, и общая оценка царских приближенных была довольно низкой. К. де Бруин, не загруженный официальными поручениями, напротив, “не думал, чтоб на свете был другой такой двор, как этот, в котором бы с частным человеком обращались с такою благосклонностью”³².

Послы придавали особое значение соблюдению соответствующих атрибутов социальной иерархии. Ч. Уитворт разделил московитов на три “степени”: знать, помещиков и крестьян. Он сравнил титул герцога с княжеским, оцениваемый в России “по-разному, в зависимости от доходов или занятий носящего его лица”³³. Учреждение нового графского титула, кавалерского ордена, намерение ввести баронское и рыцарское звания посланники объясняли амбициями царя, высших сановников и подражанием европейским традициям, которое иногда напоминало обезьяничанье, приводившее к досадным курьезам.

Немалой заботой для Ю. Юля оказалось вручение А.Д. Меншикову ордена Слона. Светлейший князь долгое время спорил с ним о порядке ношения датского ордена, предлагая попеременно менять его на своем кафтане с орденом Св. апостола Андрея Первозванного, что датскому посланнику показалось совершенно неприемлемым. Возникшее затруднение разрешил лишь письменный договор, обязавший новоявленного кавалера носить только ленту датского ордена. Ю. Юль адресовал бесчисленные упреки Шафирову, возмнившему себя ровней имперского вице-канцлера, и высмеял наивное стремление “министров” “показать, что царство их государя — империя”, посредством новых титулов, якобы дающих больший почет и значение. В дневнике Юль даже привел убедительные доказательства несоответствия титула “царь” латинским званиям “цезарь” и “император” и обосновал справедливость единственной аналогии с королевским титулом (rex). Ч. Уитворт, напротив, не вдаваясь в этимологические изыскания, именовал Петра I “императорским величеством” и этим заслужил нелестные намеки датского дипломата о заискивании перед царским двором³⁴.

Однако ревностное почитание Юлем европейской титулатуры противоречило его вольному обращению с традиционными русскими чинами. Признавая соответствие думного боярского чина высоким должностям, иноземец называл боярами и детей боярских (дворян), и царских шутов в боярском одеянии, и родовую знать (аристократию), и высших должностных лиц государства (“министров”). С последними двумя значениями боярский чин чаще связывали Дж. Перри, П. Гейнс и Г. Грунд. Их английский коллега Ч. Уитворт и голландский путешественник К. де Бруин точнее представили и попытались объяснить смысл следующих чинов. Звание боярина имели ближайшие советники царя — “главная сила всех приказов”. Бруин заметил, что должность начальника приказа служила “ступенькой для достижения самых высших должностей, или званий (чина боярина. — А.З.)”, которые сравнивались Бруином с грандами в Испании и перами во Франции³⁵.

Окольничими назывались “бояре, сопровождавшие государя”, или “их помощники, которые являлись ближними советниками более низкого ранга, допускавшимися (на церемонии? — А.З.) только в особых случаях”. “Главные чины — бояре и окольничие, — по мнению Уитворта, — постепенно упразднялись, а большинство приказов передавалось дьякам, то есть секретарям”. Чин думных дворян принадлежал “дворянским советникам Думы”, чин думных дьяков — “секретарям Думы”³⁶. О правильном понимании Бруином чиновной иерархии XVII—начала XVIII в. говорит его перечень основных чинов так называемого “московского списка” — стольников, дворян, жильцов, а также дворцовых чинов — спальников, дворецких, кравчих, чашников. Видимо, автор был знаком с боярским списком или другим официальным документом Разрядного приказа³⁷. Формальный перечень чинов, упомянутый голландцем, не соответствовал фактической расстановке должностей и влиятельных особ, наиболее волновавших дипломатов. У Грунда и Уитворта этот список почти идентичен. Первым подданным они назвали А.Д. Меншикова, вторым — вице-канцлера Г.И. Головкина, третьим — адмирала Ф.М. Апраксина и П.П. Шафирова, за ними следовали “тайные царские советники”: кн. Г.Ф. Долгорукий, И.А. Мусин-Пушкин, кн. М.П. Гагарин; в числе видных деятелей названы восемь губернаторов и Б.П. Шереметев. В 1710 г. Г. Грунд совершенно верно отметил, что “царь пока и не обнародовал какого-либо настоящего порядка рангов, а все еще приказывает дорабатывать его проект, так что это дело, вероятно, не будет законченным до заключения мира”³⁸.

Первое десятилетие XVIII в. оказалось переходным периодом складывания системы чинов, поэтому корректное употребление иностранцами чинов “московского списка” зависело от уровня их знакомства с традиционной системой чиновпроизводства. Довольно часто неправильное понимание значения конкретного чина или его употребление исключительно в широком смысле способствовало смешиванию понятий родовой знати (аристократии), окружения царя (свиты) и “министров” (администрации).

Замечания иностранцев подтверждают, что при Петре I Государев двор как корпоративная организация чинов прекратил свое существование, но не утратил значения социального института, регулировавшего отношения внутри властвующей элиты и представлявшего ее в качестве правительства перед иностранными государствами.

В описаниях европейцев отсутствует системный и последовательный материал об административной системе страны, поскольку они, обращаясь к теме российского управления, ставили исключительно практические цели. Мемуаристы пытались познакомить читательскую публику со своими впечатлениями, знанием и оценками отдельных элементов государственного быта. Дипломаты старались оперативно осведомлять свои дворы о наиболее важных событиях, собирать необходимые сведения по частным вопросам, анализировать информацию, касавшуюся политического устройства России. Высшее, центральное и местное управление в их сочинениях освещалось неравномерно.

Достоверность известий иностранцев о государственных учреждениях можно выявить, имея параллельные источники. Например, архивные документы могли бы подтвердить сообщение П. Гейнса о запланированном на 8 февраля 1700 г. “большом совете” в селе Преображенском, где состоялось несколько

бойрских съездов. На них, кроме прочего, проводился стрелецкий розыск, однако сведений о данном собрании не обнаружено. Вполне вероятно ошибочная датировка собрания Гейнсом, но в любом случае подобные штрихи и факты необходимы в изучении деятельности боярской думы³⁹.

В начале XVIII в. термин *дума* редко употреблялся иностранцами, собрания бояр чаще именовались “тайным” или “царским” советом. Согласно косвенным указаниям Ч. Уитворта, его составляли лица, заведовавшие военными и дипломатическими делами, в том числе Т.Н. Стрешнев, Ф.А. Головин, были “еще несколько министров, входящих в тайный совет ... они занимаются внутренними делами, не пользуются особой милостью и не оказывают заметного влияния на дела государства”⁴⁰. В реляциях отмечалась “чрезвычайная деятельность царя” и ежедневно собиравшихся советов в декабре 1707 г. для пополнения армии рекрутами и “заготовки денег для жалования и снабжения своих войск”. На подобных совещаниях “царь обычно высказывался после всех участников обсуждения, чтобы найти самое разумное решение”⁴¹. В 1707—1708 гг. он отправил царевича Алексея на несколько месяцев “председательствовать на всех совещаниях, самолично подписывать приказы и доклады и, следовательно, получать сведения обо всех делах”. Этими “консилиями”, которые собирались в Преображенском или, чаще, в Ближней канцелярии, заинтересовался О. Плейер. Он определил цели и компетенцию “тайного совета”, подробно охарактеризовал “министров” и выделил “государственный” и “тайный военный” советы как постоянные совещательные учреждения, действующие при особе монарха. Исходя из состава “государственного совета” (по Плейеру: Г.И. Головкин, П.П. Шафиров, Н.М. Зотов), резолюций и упоминаний о царских советах Ю. Юля следует, что они представляли собой лишь сложившуюся практику конференций и совещаний иностранных дипломатов с царской администрацией по внешнеполитическим вопросам⁴².

Учреждение Сената зафиксировали практически все иностранцы, находившиеся в России в 1711 г. Джон Перри даже присутствовал в Сенате “из девяти бояр”, добиваясь выплаты жалованья. Юста Юля не мог не заинтересовать состав Сената. Примечательно, что в апрельской записи 1711 г. он перечислил только шестерых сенаторов и подчеркнул участие в заседаниях Ф.Ю. Ромодановского⁴³. Более подробных сведений о деятельности и значении Сената мы не встретим в иностранных источниках тех лет. Для иностранцев новизна высшего учреждения состояла в изменении персонального состава, а не его формы, которая, видимо, отождествлялась со строением “тайных советов”, изученных, в частности, О. Плейером.

Все упоминавшиеся высшие институты определялись европейцами как совещательные учреждения. Показательно, что советами именовались также Ратуша, военные и дипломатические совещания. Стоит отметить уникальность сообщений о последних, поскольку дипломаты, участвовавшие в переговорах, владели целым спектром информации, часть которой закрепились только в их отчетах.

Подробное описание приказного управления оставили мемуаристы. Популярность этого сюжета у них определила доступность наблюдения, наглядность и оригинальность строения приказов. Находившиеся в 1702 г. в Кремле 18 приказов наиболее удачно и лаконично представил К. де Бруин, отметивший их иерархию, компетенцию, внутреннее устройство и даже интерьер палат⁴⁴. Обыкновенно и сами

учреждения именовались иностранцами палатами и канцеляриями. Авторы остановились также на характеристике приказной администрации. Судей приказов назначали из “главных любимцев царских или первых военных чинов государства”. “Обязанность (дьяков. — А.З.) заключалась в том, чтобы выслушивать и решать дела, подписывать приказы, относящиеся до казначейства, военных или гражданских дел, и от времени до времени отдавать отчет в своих действиях... господа (судьи приказов. — А.З.) редко сами приходили в палаты, чтобы выслушивать дела. Дьяки представляли им вопрос в той форме и в том свете, как желали”. Мнение капитана Дж. Перри о возрастании роли дьяков в приказном управлении поддерживал и лорд Ч. Уитворт⁴⁵.

Иностранные посланники отметили недостатки приказной системы: отсутствие унификации, отраслевой и территориальной принципы разделения центральных ведомств, параллельную компетенцию, часто приводившую к путанице. Несмотря на многочисленность приказов в начале XVIII в. (свыше 30 — у Ч. Уитворта, более 40 — у Ю. Юля), иностранцы подчеркнули некоторые положительные перемены. Уже в 1702 г. Бруин указал на результат преобразования делопроизводства приказов, где “все деловые бумаги ведутся теперь... как у нас, голландцев”⁴⁶. Восхищение иностранцев вызвало оснащение царского Аптекарского приказа, названного датским послом лучшей аптекой в мире.

Однако изменение элементов структуры приказов не могло повысить эффективность центрального управления. Создание Ратуши в 1699 г. иностранцы оценили как ограничение выборными бурмистрами воеводской власти в гражданском управлении. Перри отнес это новшество к оскорблению дворянства государем, доверившим сбор царских доходов “мужикам” — купцам и прибыльщикам⁴⁷. Уитворт записал в реляциях о намерении Петра поручить бурмистрам контроль над некоторыми торговыми операциями. А новый проект царя — губернская реформа 1708—1710 гг. — предвещал, по словам Уитворта, большие перемены. Восемь губерний были настолько обширны, что сравнивались с государствами, в которых губернаторы “имели абсолютную власть во всем, помимо того, что касается регулярных войск... хотя они квартируют на подвластных тому или иному губернатору территориях, но должны получать приказы непосредственно от царя и его генералов”. На первом плане в отчетах иноземных посланников стоял обзор состояния губерний и составление портретов их правителей⁴⁸.

Фундамент местного управления предыдущего XVII столетия долгое время оставался неизменным. В руках воевод, как отмечал Дж. Перри, назначавшихся из столичных приказов в уездные и крупные города, находилась безграничная административная, фискальная и судебная власть. Всякий принципал “имел в каждом городе своего дьяка или мелкого канцлера и особое присутственное место, подлежащее его ведению и называемое приказом”. Действительно и то, что воеводы сохраняли свои места не более трех лет. Английский капитан упомянул обычай “давать господину (судье приказа. — А.З.), заведывающему областью, в которую они назначались, сумму от трех до четырех тысяч рублей тотчас по получении звания правителя (воеводы. — А.З.)”. С помощью подвластных целовальников и сборщиков воеводы собирали налоги и подати на всем пространстве царских владений. Учрежденная Ратуша не только устроила “сбор доходов более добросовестным образом и препятствовала притеснениям” воевод, но и отправляла уполномо-

ченных под начальством московских бурмистров “в малые города владений е. в., чтобы собирать пошлыны, относящиеся до общественной торговли и всех мелких сборов, на торговых площадях, также доходы, извлекаемые в пользу е. в. из продажи пива, водки, меда...”⁴⁹.

Чарльз Уитворт, Георг Грунд и Корнилий де Бруин значительное место в своих сочинениях отвели определению источников и величины царских доходов. Приведенные ими цифры по многим статьям бюджета часто завышены, не подтверждаются исследователями⁵⁰ и, в общем-то, требуют специального изучения. Интерес же к финансовой политике возник неспроста. Европейцы понимали, что состояние казны — чуткий барометр эффективности государственного управления и очевидный показатель стратегии реформаторских усилий и их последствий.

Военная тема была одной из центральных в отчетах, мемуарах и личных посланиях иностранцев. Естественно, что известия о военном управлении — комплектовании, снабжении, размещении, составе армии и флота — неперенны и подробны в каждом из сочинений, в которых информация не исчерпывалась количественными характеристиками. Западные авторы сравнивали устройство и особенности управления стрелецкого войска, дворянского ополчения, регулярной армии, казачьих войск и иных формирований. Энергичные военные реформы Петра I превратили армию и флот в объект пристального внимания иностранцев. Отто Плейер наиболее удачно проанализировал рост военных сил, который мог быть интенсивным, если бы “набор производился не так бестолково и не с таким вредом для края”. “Многие чужеземцы, выдавшие войско, сознавались, что в России мало думают о сохранении солдата, так как плохое устройство и присмотр за необходимыми магазинами почти единственный, впрочем, главный недостаток” расстройств армии, несравнимый даже с самыми жаркими сражениями⁵¹.

Особое внимание иностранные дипломаты уделили взаимоотношениям внутри генералитета. Ч. Уитворт писал о разладах и ссорах между Шереметевым, Огильви и Меншиковым⁵². Любопытно сравнить их портреты у разных авторов. Иностранцы, например, оставили несколько описаний светлейшего князя. Ч. Уитворт и Г.И. Кейзерлинг характеризовали Меншикова как человека “необыкновенно порочных наклонностей”, который доходил до рукоприкладства. Позже английский посланник объяснил причины его возвышения, отметив лишь два основных достоинства князя — усердие и расторопность. Уитворт часто осуждал царского фаворита и очень опасался его вмешательства в ход англо-русских переговоров. У датчанина Г. Грунда мы, напротив, не встретим резких высказываний о Меншикове, стремительную карьеру которого автор объяснил “живостью ума и рассудительностью” и уникальным положением фаворита, не связанного родством с семьями аристократов. Преемник Грунда Юст Юль считал князя несправедливым и ненасытным, но вместе с Отто Плейером признавал, что, исполняя роль проводника непопулярных царских решений, он нередко подвергался беспочвенным обвинениям⁵³. Приведенные характеристики говорят не только о предвзятости или объективности иностранцев, но и отражают многосторонние проявления личности государственного деятеля, особенности восприятия ее авторами, понимание ими силы обстоятельств.

Иностранные источники начала XVIII в. представляют безальтернативный комплекс документов, который кроме объемного фактического материала

о внутреннем устройстве России содержит оценки авторов и анализ состояния русского государства. Личностное восприятие иностранцами государственного управления необходимо изучать в контексте всего сочинения (отчетов или переписки), чтобы определить достоверность информации. Заслуживают исследования и условия формирования однотипных заключений иностранцев об объектах описания. Независимо от уровня субъективности иностранных дипломатов и путешественников требуется последовательная источниковедческая критика каждого известия. В документах иностранного происхождения немаловажно выявить и новые сведения о государственном управлении, заметив, что само понимание “нового” в источниках двояко. Во-первых, это отличия от старорусской практики управления; во-вторых, это новизна элементов структуры управления в сравнении с европейскими странами.

Записки иностранцев объединяет одно время написания и непосредственное соприкосновение авторов с атмосферой петровских преобразований. Европейцы подчеркивали влияние военных реформ на совершенствование государственного управления и вместе с тем зафиксировали опережение эволюции внешних проявлений институционализации (создание новых структур, утверждение принципов рациональной организации управления) над живучестью традиций, выраженных во влиянии неформальных отношений внутри правящей элиты, консервации неофициальных методов управления. В обращении к заданной теме для иностранцев характерна дискретность описания множества частных деталей, персонализации большинства сюжетов об управлении.

Особо актуальной остается проблема переиздания известных иностранных источников в оригинале с параллельным переводом и подробными комментариями. Перспективным направлением в изучении насыщенных документов петровского времени будет обращение к малоизвестным сочинениям и неопубликованной корреспонденции иностранцев.

Примечания

¹ *Ключевский В.О.* Сказания иностранцев о Московском государстве. М., 1991.

² См.: *Возгрин В.Е.* Россия и европейские страны в годы Северной войны: История дипломатических отношений в 1697—1710 гг. Л., 1986. С. 155; *Юль Ю.* Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом (1709—1711) // ЧОИДР. 1899. Кн. 4. Отд. III. С. 433—442; Донесения и другие бумаги чрезвычайного посланника английского при русском дворе Чарльза Уитворта с 1704 г. по 1708 г. // Сб. РИО. СПб., 1884. Т. 39. С. 3—7.

³ *Юль Ю.* Указ. соч. Кн. 2. С. 1.

⁴ См.: *Плейер О.А.* О нынешнем состоянии государственного управления в Москве в 1710 г. // ЧОИДР. 1874. Кн. 2.

⁵ См. опубликованные цитаты из донесений П. Гейнса: *Форстен Г.В.* Датские дипломаты при московском дворе во второй половине XVII в. // ЖМНП. 1904. № 9, 11, 12; Сб. РИО. 1884. Т. 39; Донесения... Чарльза Уитворта и секретаря его Вейсборда с 1708 г. по 1711 г. // Сб. РИО. СПб., 1886. Т. 50; Донесения О. Плейера (1700—1706) опубликованы на немецком языке. См.: *Устрялов Н.Г.* История царствования Петра Великого. СПб., 1863. Т. IV, ч. 2. С. 539—660; *Обида прусского посла Георга Иоганна Кейзерлинга* // Русская старина. 1872. Т. 5, № 6. С. 803—844.

- ⁶ Цит. по: *Форстен Г.В.* Указ. соч. № 12. С. 308; *Юль Ю.* Указ. соч. Кн 4. С. 434.
- ⁷ Сб. РИО. 1884. Т. 39. С. 131—133. В феврале 1710 г. Уитворт в ранге чрезвычайного посла на торжественной аудиенции принес Петру I от имени английской королевы Анны официальные извинения за оскорбление в Лондоне русского посла А.А. Матвеева. См. подробнее: Россия в начале XVIII в.: Сочинение Ч. Уитворта. М.; Л., 1988. С. 108.
- ⁸ См.: *Форстен Г.В.* Указ. соч. № 11. С. 93.
- ⁹ См.: *Грунд Г.* Доклад о России в 1705—1710 гг. М.; СПб., 1992. С. 154—156.
- ¹⁰ Там же. С. 153.
- ¹¹ Цит. по: *Форстен Г.В.* Указ. соч. № 12. С. 293. Л.К. Нарышкин возглавлял Посольский приказ в 1697—1699 гг., с 1699 г. — Ф.А. Головин.
- ¹² *Юль Ю.* Указ. соч. Кн. 3. С. 180.
- ¹³ См., например: Сб. РИО. 1884. Т. 39. С. 124. Часть дипломатической корреспонденции передавалась посланниками в зашифрованном виде. См.: Сб. РИО. 1884. Т. 39. С. 293; *Перри Дж.* Состояние России при нынешнем царе // ЧОИДР. 1871. Кн. 1, 2.
- ¹⁴ Датировка окончательной редакции “более подробного” сочинения Дж. Перри о России основана на упоминаемом автором времени учреждения губерний (“шесть лет назад” — С. 52) и смерти грузинского царя Арчила II (“месяцев 20 тому назад” — С. 64).
- ¹⁵ *Бруин К.* Путешествие через Московию Корнилия де Бруина // ЧОИДР. 1872. Кн. 1. Отд. IV. С. 2. Бруин совершил второе путешествие на Восток через Московию в 1701—1708 гг. Находился в столице с выездами в другие города с 4 января 1702 г. по 15 апреля 1703 г. и с ноября 1707 г. по 23 марта 1708 г.
- ¹⁶ *Перри Дж.* Указ. соч. С. 172.
- ¹⁷ Россия в начале XVIII в. ... С. 71; *Бруин К.* Указ. соч. Кн. 2. С. 89.
- ¹⁸ *Юль Ю.* Указ. соч. Кн. 3. С. 146, 209.
- ¹⁹ *Перри Дж.* Указ. соч. Кн. 2. С. 168.
- ²⁰ *Грунд Г.* Указ. соч. С. 114.
- ²¹ *Юль Ю.* Указ. соч. Кн. 3. С. 332. Юль ошибочно упомянул появление института “бургомистров” после взятия Нарвы. Бурмистерская палата (позже названная Ратушей) была учреждена именным указом 30 января 1699 г., который также переименовал земских старост и таможенных и кабацких голов в земских бурмистров. (ПСЗ-1. Т. III. № 1674, 1675); Милоков считал терминологию городской реформы заимствованной с голландского образца. См.: *Милоков П.Н.* Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII в. и реформа Петра Великого. 2-е изд. СПб., 1905. С. 87.
- ²² Цит. по: *Форстен Г.В.* Указ. соч. № 11. С. 93.
- ²³ *Грунд Г.* Указ. соч. С. 125.
- ²⁴ Россия в начале XVIII в. ... С. 72; *Перри Дж.* Указ. соч. С. 91.
- ²⁵ См.: *Плейер О.* Указ. соч. С. 8; Россия в начале XVIII в. ... С. 74—75; *Обнинский В.П.* Последний самодержец. Очерк жизни и царствования императора России Николая II. М., 1992.
- ²⁶ См.: *Перри Дж.* Указ. соч. Кн. 1. С. 40; Кн. 2. С. 160—161, 168; *Плейер О.* Указ. соч. С. 7; *Юль Ю.* Указ. соч. Кн. 3. С. 303—304.
- ²⁷ См.: *Форстен Г.В.* Указ. соч. № 12. С. 305—308.
- ²⁸ См.: *Перри Дж.* Указ. соч. Кн. 2. С. 162—164; *Бруин К.* Указ. соч. Кн. 1. С. 88—89.
- ²⁹ *Юль Ю.* Указ. соч. Кн. 2. С. 103.
- ³⁰ Там же. С. 79—84.
- ³¹ Цит. по: *Форстен Г.В.* Указ. соч. № 11. С. 94—98; Сб. РИО. 1884. Т. 39. С. 211, 280; *Юль Ю.* Указ. соч. Кн. 3. С. 184.
- ³² *Бруин К.* Указ. соч. Кн. 1. С. 59.
- ³³ Россия в начале XVIII в. ... С. 66—68.
- ³⁴ Там же. С. 67; *Юль Ю.* Указ. соч. Кн. 3. С. 151—158, 182, 205—206.
- ³⁵ См.: *Бруин К.* Указ. соч. Кн. 1. С. 89. Характерно, что и Бруин, и Перри сравнивали

русские чины с европейскими, рассчитывая свои сочинения на европейского читателя. Перри окружение царя назвал лордами. См.: *Перри Дж.* Указ. соч. С. 8.

³⁶ Россия в начале XVIII в. ... С. 72; Последними пожалованиями XVIII в. в думные чины были награждения чином боярина: П.М. Апраксина (22 января 1710 г.), Ю.Ф. Шаховского (12 апреля 1710 г.), П.И. Бутурлина (20 апреля 1712 г.), в боярском списке 1713 г. в перечне бояр встречаем адмирала Ф.М. Апраксина перед его братом П.М. Апраксиным, см.: РГАДА, ф. 210, оп. 2, № 60, л. 4; чином окольникового: К.Х. Патрикеева (12 апреля 1710 г.), А.А. Юшкова (4 ноября 1711 г.), П.В. Бутурлина, Н.М. Жирового-Засекина, М.Ф. Шаховского (20 апреля 1712 г.); чином думного дворянина: И.И. Исленьева (30 мая 1701 г.), Н.М. Зотова (26 июня 1701 г.), П.В. Бутурлина (12 апреля 1710 г.), П.А. Ушакова (14 января 1711 г.), С.Я. Тургенева (28 января 1712 г.); чином думного дьяка — В.С. Ершова (5 октября 1709 г.). См.: РГАДА, ф. 210, оп. 2, № 45, 56, 58. В 1725 г. боярский чин был пожалован Нелединскому-Мелецкому. См.: РГАДА, ф. 210, оп. 1, № 11, л. 31.

³⁷ *Бруин К.* Указ. соч. Кн. 2. С. 93. Бруин точно перечислил всех сорока четырех бояр 1688—1689 гг. См.: Боярский список 1688—1689 гг. // РГАДА, ф. 210, оп. 2, № 28.

³⁸ *Грунд Г.* Указ. соч. С. 133—137; Россия в начале XVIII в. ... С. 75—77.

³⁹ Вероятнее всего, упоминаемое собрание состоялось не 8 февраля (по Гейнсу — суббота), а 9 февраля (пятница). См.: РГАДА, ф. 210, оп. 9, Московский стол. Столбцы, № 767, л. 410—438.

⁴⁰ Россия в начале XVIII в. ... С. 77—78.

⁴¹ Сб. РИО. 1884. Т. 39. С. 441—442; *Грунд Г.* Указ. соч. С. 130.

⁴² Ближняя канцелярия, названная по имени палаты в Кремлевском дворце, была основана в 1701 г. как центральное административно-финансовое учреждение. С первых лет она стала местом собраний бояр и “министров”, которые использовали ее делопроизводство и штат для оформления своих решений. После 1705 г. собрания назывались “консилиями” и с 1708 г. проходили регулярно; Уитворт называл П.П. Шафирову секретарем, а Т.Н. Стрешнева президентом “военного совета”. См.: *Плейер О.* Указ. соч. С. 15—21; Сб. РИО. 1884. Т. 39. С. 43, 88.

⁴³ *Перри Дж.* Указ. соч. Кн. 1. С. 30, 35; *Юль Ю.* Указ. соч. Кн. 3. С. 297, 322.

⁴⁴ *Бруин К.* Указ. соч. Кн. 2. С. 87—88.

⁴⁵ См.: *Перри Дж.* Указ. соч. Кн. 2. С. 121—122; Россия в начале XVIII в. ... С. 72.

⁴⁶ *Бруин К.* Указ. соч. Кн. 2. С. 98. См. также: Сб. РИО. 1884. Т. 39. С. 86.

⁴⁷ *Бруин К.* Указ. соч. Кн. 1. С. 27; *Перри Дж.* Указ. соч. Кн. 2. С. 124, 125.

⁴⁸ См.: Россия в начале XVIII в. ... С. 72—73; *Грунд Г.* Указ. соч. С. 113—118;

Плейер О. Указ. соч. С. 13—15.

⁴⁹ *Перри Дж.* Указ. соч. Кн. 2. С. 121—123.

⁵⁰ См.: Россия в начале XVIII в. ... С. 158—168; *Бруин К.* Указ. соч. Кн. 2. С. 94.

⁵¹ *Плейер О.* Указ. соч. С. 4—6.

⁵² См.: Сб. РИО. 1884. Т. 39. С. 58, 125; *Юль Ю.* Указ. соч. Кн. 3. С. 197.

⁵³ Сб. РИО. 1884. Т. 39. С. 95, 124, 125; Россия в начале XVIII в. ... С. 75; Обида прусского посла... С. 831—844; *Грунд Г.* Указ. соч. С. 133—134; *Юль Ю.* Указ. соч. Кн. 3. С. 127, 236, 259, 303; *Плейер О.* Указ. соч. С. 7, 13, 14.